

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРАМИ АЛЬЧИКОВ И РОЛЬ ИГРЫ В ОБЩЕСТВАХ СТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

С.В. Сотникова

Рассматриваются детские погребения с наборами альчиков, представленные на памятниках эпохи бронзы евразийских степей (синташтинских, петровских, потаповских, алакульских, срубных). Выделяются две возрастные группы. Отмечается различное назначение наборов альчиков в этих группах. Привлекая в качестве аналогий широкий круг этнографических источников, автор приходит к выводу, что существовала особая, детская сфера сакральности. Она распространялась не только на область детских вещей, но и на игры.

Памятники синташтинского, петровского, потаповского типов, алакульская культура, срубная культура, наборы альчиков, детские игры, сакральная сфера жизни.

В эпоху бронзы на территории евразийских степей распространяется традиция, связанная с помещением в погребение наборов астрагалов (альчиков) — таранных костей животных. Такие находки сделаны как в детских, так и во взрослых захоронениях. Эта традиция представлена на памятниках ямного, катакомбного, срубно-андроновского времени и в более поздние периоды. В данной статье рассматриваются материалы погребений населения андроновской (алакульской) и срубной культур, а также предшествующих им памятников синташтинского, петровского и потаповского типов. Население этих культур исследователи связывают с индоевропейской или индоиранской традициями.

Данные погребения неоднократно привлекали внимание исследователей. Предпринимались попытки связать находки наборов альчиков в погребениях с возрастом умерших. Е.В. Куприянова в ходе изучения андроновских материалов с территории Южного Зауралья — алакульских и предшествующих им синташтинских — отнесла альчики (астрагалы) к предметам, встречающимся преимущественно в погребениях детей и подростков. В синташтинских памятниках 20,5 % таких находок сделаны в погребениях детей, в основном старшего возраста, 63 % — в погребениях подростков и только 16,5 % — в погребениях взрослых. В алакульских памятниках характер распределения находок еще более выразителен: 92,2 % сосредоточено в детских погребениях, 7,8 % — в подростковых, в погребениях взрослых они практически отсутствуют [Куприянова, 2001, с. 325]. С.С. Марков также отмечает, что наблюдается устойчивая тенденция к преобладанию детских погребений с наборами астрагалов над захоронениями взрослых, он предлагает несколько вариантов интерпретации этих находок: в качестве набора для игры в кости; как гадальные кости; символы благополучия; обереги [2002, с. 41–44].

В памятниках срубной культуры Среднего Поволжья прослеживается та же закономерность — абсолютное большинство погребений с альчиками принадлежало детям и подросткам. В общей сложности дети и подростки сопровождалась альчиками в 73 случаях, что составляет 77,7 %. Иногда альчики встречались в коллективных погребениях, где есть дети. Количество альчиков колебалось в одном захоронении от 1 до 159 [Крамарев, Кузьмина, 1999, с. 85]. В ходе изучения срубных могильников Северского Донца и Донецкого Приазовья была произведена корреляция половозрастных определений с категориями погребального обряда и инвентаря, что позволило выделить характерные признаки детских погребений и захоронений взрослых. Причем признаки эти носят как чистый, так и частный по тенденции характер. Наличие астрагалов в детских и подростковых погребениях было отнесено к числу чистых признаков [Литвиненко, 1996, с. 53].

В данной статье рассматриваются только детские погребения с наборами альчиков. Среди них представляется возможным выделить две возрастные группы: 1 — от младенчества до 5–6 лет; 2 — от 6–7 до 13–15 лет. Сложность разделения погребений по группам обусловлена тем, что не всегда имеются точные антропологические определения возраста детей, нередко исследователи ограничиваются общими определениями — «ребенок», «младенец», «подросток». В этом случае только погребения с определением «младенец» мы относим к первой группе, а

Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения...

«подростковые» — соответственно ко второй. Погребения с определением «ребенок» мы пока воздержимся относить к какой-либо группе.

Выделение двух детских возрастных групп обусловлено тем, что в традиционных обществах дети делятся на две возрастные категории, причем в младшей группе отсутствует деление по полу. Только с 5–6 лет детей начинали приучать к выполнению хозяйственных обязанностей соответственно полу, что вело к появлению отличий в одежде, украшениях, играх. Подобные этнографические свидетельства имеются по таджикам, что для нас представляет несомненный интерес, так как в их генезисе участвовал индоиранский компонент. Согласно материалам Е.М. Пещеревой, собранным в 1924–1935 гг., говоря о детях до 4–5-летнего возраста, горные таджики называли их общим словом *кудак//гудак* — «дитя», «ребенок» и почти не делали различия в costume. В большинстве горных мест маленькие девочки и мальчики раньше одинаково были одеты в одну только рубаху. Особых различий в жизни самых маленьких детей, их игрушках и играх не наблюдается. Позже, годам к шести, детей уже начинают обозначать по полу, называя *бача*, *псар* — мальчиков и *духтар* — девочек. Девочек начинают одевать более нарядно. Игры и игрушки мальчиков и девочек уже сильно разнятся. Девочка постепенно привлекается к домашнему хозяйству, а мальчик — к сельскохозяйственным работам [Пещерева, 1957, с. 23–24]. Можно предположить, что и в древний период существовала граница между двумя детскими возрастными группами, и приходилась она на возраст 5–6 лет. Именно с этого возраста детей начинали различать по полу. Верхняя граница периода детства определяется в 13–15 лет, так как обряд инициации — посвящения в группу взрослых обычно приходился в традиционных обществах на возраст 12–15 лет [Итс, 1974, с. 55].

Первая возрастная группа детских погребений (от младенчества до 5–6 лет)

Первая группа детских погребений, в которых обнаружены альчики, представлена на следующих синташтинских, петровских, потаповских, алакульских, срубных памятниках: Большекараганский могильник, курган (далее — к.) 25, могилы (далее — м.) 7, 10, 18 [Аркаим..., 2002, с. 34–37, 43, 47, 69, 72]; Каменный Амбар-5, к. 2, м. 6 [Костюков и др., 1995, с. 162]; Кривое Озеро, к. 10, м. 43 [Виноградов, 2003, с. 98, 106, 216; Косинцев, 2003, с. 336, 337; Рыкушина, 2003, с. 357]; Синташтинский большой грунтовой могильник, погребение (далее — п.) 32 [Генинг и др., 1992, с. 221–222]; Обилькин Луг III, к. 17, п. 4 [Денисов, 2001, с. 42]; Потаповский могильник, к. 5, п. 14 [Васильев и др., 1994, с. 39–41; Яблонский, Хохлов, 1994, с. 190, табл. 1]; Тасты-Бутак I, ограда 6, м. 2; ограда 19, м. 1; ограды 31 и 42 [Сорокин, 1962, с. 14, 16, 17, 19, 20, 21, 23]; Натальино II, к. 18, п. 3, 4 [Памятники срубной культуры..., 1993, с. 20–53].

Количество альчиков в погребениях детей в возрасте до 5–6 лет невелико, в среднем от двух до восьми. Однако в ряде случаев их число достигает 20, причем в основном это погребения младенцев. Так, в Синташтинском большом грунтовой могильнике в погребении младенца 6–8 мес. обнаружен 21 астрагал (м. 32), в могильнике Каменный Амбар 5 в погребении младенца было 18 астрагалов (м. 6 к. 2), в Большекараганском могильнике (м. 10 к. 25) и Тасты-Бутак I (ограда 31) в погребениях детей 1,5–2 лет обнаружено по 13 астрагалов. Безусловно, дети младенческого возраста сами не могли играть в какие-то даже простейшие игры с костями. Повидимому, назначение таких наборов костей в погребениях младенцев было другое.

Как свидетельствуют этнографические данные, дети до определенного возраста считались принадлежащими не человеческому, а иному, вероятно, природному миру и соответственно окружались подобными вещами. А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская на основании изучения традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири отмечают, что «малыши, еще не прошедшие всех ступеней социализации, занимали промежуточное положение между природой и культурой» [1990, с. 148–149]. Тайна рождения приобщала младенца к изначальной природной стихии, воплощением и властительницей которой была богиня Умай. Она являлась хранительницей ребенка с момента появления на свет и до того времени, когда он начинал ходить и свободно разговаривать, т.е. приблизительно до трех лет. До этого момента Умай неуклонно находилась при младенце. Его так и называли — *умайлыг бала* — «ребенок Умай», иначе говоря, младенец [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 166].

К этому следует добавить, что многие характеристики младенцев явно тяготеют к миру природы. Ребенок говорил на непонятном для взрослых языке, близком звучанию природного (дикого, иного) мира. В этой связи челканцы одно и то же слово *пагыр* — «кричать» употребляли в отношении маленьких детей и косуль. Среди стариков-карагасов существовал обычай на-

зывать маленького человека «чужак» или «ягненок». Оставаясь в какой-то степени «природными» существами, дети с точки зрения традиционного общества сохраняли связь и с иным пространством. «В силу этого им было доступно иноговорение высших сфер». Тюрки Саяно-Алтая считали младенческий лепет разговором, в котором собеседником ребенка выступала богиня Умай. Буряты прежде полагали, что маленький ребенок все знает, о чем говорит сам с собою. Если у бурята маленький ребенок сильно лепечет, то приглашали человека, понимающего детский язык. Исследователи отмечают, что понимание «знающими» людьми детского языка было сродни получению шаманом информации от существ иного мира [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 148–149].

Вероятно, в древности существовала особая, детская сфера сакральности. В.М. Кулемзин, рассматривая угорскую (прежде всего хантыйскую) культуру, отмечал, что в ней сохранился сакральный характер отношения к детям, который заметно деформирован в культуре других народов. Показателем этого может служить следующий пример. Когда с символами сверхъестественного мира вступает в контакт взрослый человек, он действует посредством вещи (жертвы). Ребенок же вступает в эту связь непосредственно, так как сам он принадлежит не к реальному, а к потустороннему миру. Достаточно важным представляется вывод В.М. Кулемзина о том, что особой сакрализацией был наделен мир вещей стариков и детей, детских игр. «Степень сакрализации здесь может быть сравнима с атрибутами разного рода шаманов» [Кулемзин, 2003, с. 382–383]. Материалы угорской этнографии для нас особенно важны, так как, по мнению ряда исследователей, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубину древности [Абаев, 1981, с. 84–89].

Такое же почтительное отношение к детским вещам сохранилось в культуре алтайских народов. Алтайцы вешают над колыбелью ребенка связку костей горного козла, барана и птицы, называется эта связка *шалтрак*. Когда зыбка качается, косточки ударяются друг о друга и этим забавляют малыша. Л.Э. Каруновская высказала сомнение в том, что это только детское развлечение. Она отмечает, что алтайцы весьма неохотно показывают предметы, относящиеся к маленьким детям, и избегают вдаваться в подробности, касающиеся жизни ребенка [Каруновская, 1927, с. 28]. Более определенные сведения об этом содержатся в коллективной монографии по мировоззрению тюрков Южной Сибири. Исследователи отмечают, что «несформировавшийся, неокрепший костяк ребенка был предметом забот родителей. Возможно, магическим средством укрепления костяка у алтайцев служила связка бараньих бабок (*шалтырак*), которую вместе с пуповиной ребенка привязывали к его колыбели» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 60]. Учитывая этот факт, можно предположить, что связка костей животных выполняла прежде всего роль оберега, являлась предметом сакральным, а уже во вторую очередь служила в качестве игрушки, которая забавляла ребенка. Вероятно, подобным образом можно интерпретировать находку альчигов в одном из погребений эпохи бронзы. В могильнике петровского типа Аксайман в м. 10 к. 4 ребенок захоронен на левом боку в скорченном положении, а вдоль его тела располагалось 18 астрагалов [Зданович, 1988, с. 80].

Согласно данным этнографии сакрализован был также мир детских игр, по характеру которых взрослые пытались предсказать какие-то будущие события. А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская на основании изучения материалов по тюркским народам Саяно-Алтая также приходят к выводу, что «в мифоритуальной концепции детской игре и ее атрибутам приписывалась магическая сила, соотносимая с возможностями шаманского камлания» [1990, с. 130–131].

Таким образом, дети с самого раннего возраста были с достаточной полнотой включены в сакральную сферу жизни общества, а в некоторых случаях являлись и полноценными участниками наиболее важных обрядов жизненного цикла. Например, у горных таджиков 5–6-летние дети являлись обязательными участниками свадебных торжеств. Они знали уже большое количество свадебных песен и отсидивали всю свадьбу, окружая тесным кольцом тот угол дома, где сидела невеста [Пещерева, 1957, с. 39]. Кроме того, в день весеннего равноденствия дети непременно участвовали в целом ряде обрядов, так как считалось, что их участие при зачинании какого-либо дела обеспечивает ему удачу. Особый интерес представляет тот факт, что именно с праздника весеннего равноденствия мальчики начинали играть в кости [Там же, с. 64, 65].

По-видимому, альчики помещались прежде всего в погребения детей мужского пола, о чем свидетельствуют этнографические данные. В Киргизии рядом с селением Кара-су находился мазар, посещавшийся бесплодными женщинами. Женщина подходила к источнику и опускала в него руку. Если ей удавалось вытащить какую-нибудь бусину — у нее должна была родиться дочь; если она вытаскивала бабку — у нее должен был родиться сын; если женщина вытаски-

Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения...

вала кусок шерсти — это считалось предзнаменованием того, что она будет богата скотом; если ей ничего не удавалось вытащить — считалось, что у нее не будет ни детей, ни скота [Абрамзон, 1949, с. 88].

Рассматриваемый нами археологический материал эпохи бронзы представляет интерес в том отношении, что были обнаружены погребения детей, которые сопровождались не только альчи́ками, но и украшениями, что для мальчиков не характерно. Так, в п. 10 к. 25 Большекараганского могильника при костяках детей 1,5–2 лет положены альчи́ки, просверленные клыки, а также по одной каменной бусине на каждом из черепов. Та же ситуация наблюдалась, по-видимому, в п. 32 Синташтинского большого грунтового могильника, где в могиле младенца, наряду с альчи́ками, находилось скопление бисера и просверленная раковина. Кроме того, можно говорить о большем количестве погребений с украшениями с учетом тех погребений, где возраст ребенка не определен. В том же Синташтинском большом грунтовом могильнике в п. 15 содержалось захоронение костяков двух детей плохой сохранности. Возле черепа одного из них обнаружены четыре астрагала барана, шесть бусин, бронзовый нож и костяная втулка, возле черепа другого — два астрагала и обломки медных пластин [Генинг и др., 1992, с. 170–171]. В могильнике синташтинско-петровского типа Кривое Озеро в м. 4 к. 9 три астрагала, лежавшие вплотную друг к другу, находились у лобной части черепа ребенка, из них два принадлежали овце, один — свинье. Под нижней челюстью обнаружены три фаянсовые бусины [Виноградов, 2003, с. 98]. В могильнике Спасское III алакульского типа в п. 9 к. 1 захоронен ребенок, на левом виске которого находилась бронзовая подвеска в золотой фольге, а в головах — сосуд и рядом с ним 6 астрагалов [Стоколос, 1972, с. 165].

Обращение к этнографическому материалу не позволяет однозначно объяснить этот феномен. Одну из возможных версий дает киргизский материал. Если в семье часто умирали мальчики или рождались только девочки, то долгожданному мальчику давали имя девочки и одевали как девочку, чтобы обеспечить ему долговечность. Иногда родившемуся мальчику надевали на ногу браслет, продевали в ухо одну серьгу, заплетали косу [Абрамзон, 1949, с. 107–108, 123]. С учетом этнографических данных можно предложить несколько вариантов интерпретации археологического материала. Возможно, что во всех погребениях с альчи́ками и украшениями захоронены дети мужского пола. Украшения в данном случае выполняли прежде всего роль оберега. Вместе с тем нельзя исключать и другой вариант интерпретации, а именно, что пол детей младшей возрастной группы с социальной и ритуальной точки зрения просто не играл роли. Соответственно с альчи́ками и украшениями хоронили как тех, так и других.

Вторая возрастная группа детских погребений (от 6–7 до 13–15 лет)

Вторая возрастная группа детских погребений, в которых обнаружены альчи́ки, представлена на следующих памятниках синташтинского и потаповского типов: Большекараганский могильник, к. 25 м. 13, 16 [Аркаим..., 2002, с. 34, 43, 47, 59, 65, 67–69, 72]; Каменный Амбар-5, к. 2, м. 4, 5, 12 [Костюков и др., 1995, с. 158–167]; Кривое Озеро, курган 1, м. 1, 2 [Виноградов, 2003, с. 36, 39, 44, 49, 98; Косинцев, 2003, с. 336]; Синташтинский большой грунтовой могильник, п. 2, 29, 38 [Генинг и др., 1992, с. 113–115, 170–171, 200, 207, 227]; Синташтинский комплекс С1, п. 2, 3 [Там же, с. 258, 260–261]; Потаповский могильник, к. 1, п. 5; к. 5, п. 4, 8, 11 [Васильев и др., 1994, с. 16, 30, 32–34, 36–37]; Яблонский, Хохлов, 1994, с. 190, табл. 1]. Андроновские могильники: Тасты-Бутак I, ограда 12, м. 2; ограда 14, м. 6; ограда 20, м. 3; ограда 54 [Сорокин, 1962, с. 15, 18, 26]; Спасское I, к. 2, п. 2 [Стоколос, 1972, с. 162]. Срубные могильники: Ильясский I могильник, к. 10, м. 2 [Любчанский, Иванова, 1996, с. 96]; Уранбаш, к. 9, п. 6 [Моргунова, 1999, с. 42]; Владимировский I могильник, к. 2, п. 1, 3, 8 [Кузьмина и др., 2003, с. 223, 224–225, 228], Спиридоновский II могильник, к. 1, п. 8 [Кузнецов, Мочалов, 1999, с. 64]; Максютково, к. 3, п. 6, 7; Натальино II, к. 17, п. 2; Осинковка, к. 7, п. 4; Саратовка I, к. 5, п. 1; Узморье, к. 2, п. 1; Ровное, к. 7, п. 1, 3; Новотулка, к. 5, п. 3; Ченин, к. 8, п. 1; Волжский II, к. 1, п. 6 [Памятники срубной культуры..., 1993, с. 20–53].

Для понимания материалов могильников эпохи бронзы представляют интерес данные этнографии, свидетельствующие о том, что игры с альчи́ками были характерны для мальчиков определенной возрастной группы. Так, у башкир игрой в альчи́ки увлекались исключительно мальчики в возрасте от 5–6 до 12–13 лет [Шагапова, 2010, с. 67], что в принципе соответствует выделенной нами второй возрастной группе. У горных таджиков к игре в кости привлекались мальчики начиная с 7–8-летнего возраста. Одной из первых была для них игра в *лурск* — сухой

овечий помет. Каждый шарик помета предварительно плоско стачивался с двух сторон, чтобы при бросании он не катился. Начинающие играли обычно по двое. Один клал свой *лурск* на землю, а другой — на ладонь левой руки и, сбивая его щелчком пальцев правой руки, старался сбить им с места *лурск*, лежащий на земле. Если он его сшибал, то забирал себе и партнер выкладывал на землю новый. Если же промахивался, то клал на землю свой и очередь бить переходила к партнеру. Игра эта являлась как бы своеобразной учебной подготовкой к игре в кости (альчики), до которой малыши не допускались [Пещерева, 1957, с. 61]. По-настоящему играть в кости мальчики начинали лет с девяти. Этот факт позволяет отчасти понять рассматриваемый нами археологический материал эпохи бронзы, а именно сравнительно редкие находки альчиков в погребениях. Не исключено, что часть детей в возрасте 6–8 лет, возможно не перешедших пока в следующую возрастную группу, также использовала в игре сточенный с двух сторон сухой овечий помет, который в погребениях просто не сохранился.

В выделенной нами второй возрастной группе детей возрастает число астрагалов в погребении, причем нередко эти погребения являются коллективными усыпальницами. Так, в Большекараганском могильнике погребения с большим количеством астрагалов концентрировались в кургане 2 в м. 5, где захоронено восемь человек, из которых — двое детей и трое подростков, в углу находилось скопление из 147 астрагалов. В м. 11, содержавшей три костяка — ребенка 9–10 лет и двух подростков, у середины стенки располагалось скопление из 53 астрагалов. В м. 12, где было захоронено четыре человека, — 39 астрагалов. В могильнике Кривое Озеро в м. 1 к. 1 погребено трое человек (взрослый, подросток, ребенок) и обнаружено 37 астрагалов, в м. 2 этого же кургана, при том же составе погребенных, найдено 65 астрагалов. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в детском п. 29 было 100 альчиков. В I Ильясском могильнике срубно-алакульского типа в м. 2 к. 10 подросток сопровождался альчиками барана в количестве 318 шт.

Следует отметить, что в коллективных захоронениях астрагалы находят именно при костяках детей и подростков. Так, в могильнике Каменный Амбар 5 в п. 12 к. 2 было захоронено четыре человека — двое детей в возрасте 3–5 и 8–9 лет и две женщины в возрасте 25 лет. Альчики находились при костяке ребенка 8–9 лет. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в п. 2 обнаружено три костяка — подростка и двух взрослых. Именно в изголовье подростка размещались астрагалы барана. Вероятно, дети старшего возраста и подростки уже сознательно собирали альчики для игры и эти наборы костей были их своеобразной собственностью, которую в случае смерти владельца помещали в погребения.

Во всех рассматриваемых нами наборах костей преобладают альчики барана (овцы), но в погребениях синташтинско-петровского типа широко представлены также кости козы, сайги, косули, кабана, крупного рогатого скота, свиньи. В алакульских памятниках изредка встречаются альчики козы, в срубных — крупного рогатого скота, свиньи, лошади. Таким образом, в памятниках синташтинско-петровского типа набор альчиков по составу видов животных более разнообразен по сравнению с потаповскими, алакульскими и срубными погребениями. Основным отличием синташтинско-петровских погребений является сочетание в игровых наборах альчиков как домашнего скота, так и диких животных (сайги, косули, кабан). По-видимому, подобное сочетание альчиков, принадлежащих как домашним, так и диким животным, далеко не случайно. Вероятно, охота продолжала играть в среде старших детей и подростков синташтинского и петровского общества немалую роль, в том числе культурную, как вариант инициации, а успех на охоте приравнялся к военной доблести. У многих народов (таджиков, узбеков, монголов, тувинцев, хакасов и т.д.) игры в кости имели названия, связанные как с охотой, так и со скотоводством: «класть марала», «конский бег» — монгольские; «ловить коня», «скачка» — тувинские; «стрельба по косулям» — хакасская; «убивание ослов» — таджикская [Молодин, Ефремова, 1998, с. 305; Пещерева, 1957, с. 66].

В алакульских и срубных наборах костей присутствуют только альчики домашних животных. Причем в срубных погребениях представлен практически полный спектр домашнего скота, а в алакульских — в основном альчики овцы и козы, что может указывать на более подвижный вид хозяйства.

Своеобразием синташтинско-петровских наборов костей является также наличие на некоторых альчиках следов подработки и окрашивания. В п. 16 к. 25 Большекараганского могильника некоторые альчики имели следы подработки, один астрагал просверлен. В м. 1 к. 1 могильника Кривое Озеро из 37 астрагалов на 16 фиксируются следы сработанности. Сработанная сторона одного из них имеет зеленоватую окраску. В м. 2 того же кургана следы сработанности

Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения...

зафиксированы на 18 из 65 альчиков. Степень сработанности астрагалов различна — от небольших затертостей до сильно стертых, иногда до заполированности, гладких поверхностей; кроме того, имеются один астрагал с отверстием, один — со срезом на боковой стороне и один — с пояском насечек. В срубном могильнике Ченин (к. 8, п. 1) обнаружено 35 альчиков, часть которых обработана.

Подобное обращение с альчиками зафиксировано и в этнографии. Так, башкиры использовали для игры преимущественно кости мелкого рогатого скота. Суставные кости тщательно очищали, отмывали, практически отполировывая их. Чаще всего альчики были первозданного белого цвета. Кроме того, как отмечает Г.Р. Шагапова, информаторы эпизодически сообщают о раскрашивании костей; что означали цветные кости — неясно [2010, с. 67]. У горных таджиков астрагалы были нескольких видов — овечьи, козьи и коровьи. Обычно в игре употреблялись бараньи и козьи астрагалы. К тому же астрагалы для мальчиков являлись своего рода капиталом. Они тщательно собирали их, очищали от жил и обтачивали таким образом, чтобы они при бросании с наибольшей легкостью могли становиться в положения, дающие выигрыш по правилам игры. Обточенные астрагалы даже имели особые названия, отличающие их от необработанных. Так, в Ягнобе обработанные астрагалы назывались *сус*, а необработанные — *курр//куррагй*. Самые лучшие астрагалы мальчики еще и окрашивали, окуривая их дымом. Для этого складывали в кучу мелкую пшеничную солому, вокруг которой расставляли кости. Солому поджигали и накрывали вместе с костями большой деревянной чашкой. Под действием дыма кости приобретали красноватый цвет. Такие астрагалы мальчики хранили отдельно, складывая их в глиняные кувшины. Иногда кувшины с астрагалами даже закапывали на время в землю [Пещерева, 1957, с. 66].

Мальчики менялись друг с другом астрагалами, а также выменивали на них разные вещи. В Ягнобе один обточенный астрагал был равен по цене восьми-десяти необработанным *куррагй*. Кроме того, три обычных астрагала составляли *шак*. Дети из бедных семей, где редко ели мясо, добывали себе астрагалы работой. Весной, когда скот выпасали около селения, это поручалось мальчикам. Дети богатых родителей нанимали бедных мальчиков пасти скот за себя. Костями также менялись и давали их взаймы. Во избежание обмана каждый из астрагалов сравнивали со стандартом, прикладывая друг к другу всеми сторонами. При возвращении долга вся процедура проделывалась снова [Там же].

Как свидетельствуют этнографические данные, набор для игры в кости включал также биты, которые иногда даже изготавливали особо. Так, у башкир главную фигуру — битку — красили сажей в черный цвет. В кости делали маленькую дырочку и заливали в нее свинец. Однако имеются сведения, что использование таких бит не всегда поощрялось [Шагапова, 2010, с. 67]. Горные таджики с коровьими астрагалами играли сравнительно редко. Они больше употребляли их в качестве битков и даже давали им другое название. Кроме того, битками служили отборные овечьи астрагалы, а также битки делались из камня в виде шариков или небольших прямоугольных пластинок. В некоторых районах битки прямоугольной формы изготавливали из рога диких козлов [Пещерева, 1957, с. 65–66].

В рассматриваемых нами погребениях эпохи бронзы наряду с альчиками присутствуют предметы, которые могли использоваться при игре в кости как биты. Так, в Большекараганском могильнике в п. 13 к. 25 скопление содержало 30 астрагалов и крупную гальку серо-зеленого цвета. В Потаповском могильнике в п. 5 к. 1 найдены скопление астрагалов и речная галька со следами точечных ударов и одним сколом. В срубном могильнике Ченин обнаружены «камень» и 35 альчиков. В могильнике Каменный Амбар-5 в м. 2 к. 2, где костей погребенных не обнаружено, в южном углу находилось скопление из 12 астрагалов различных мелких животных и массивная пластина из рога лося, которую авторы интерпретировали как битку. В п. 16 к. 25 Большекараганского могильника наряду с набором альчиков (в том числе со следами сработанности), помещенных, по мнению авторов, в специальный мешочек, в заполнении обнаружено изделие из рога оленя размером 20×7 см. Этот предмет вполне мог использоваться как битка.

Кроме того, как показывают данные этнографии, в качестве бит могли употребляться астрагалы крупного рогатого скота. В рассматриваемых погребениях, даже в тех, где встречено значительное количество астрагалов, находки альчиков крупного рогатого скота единичны. Это может свидетельствовать об их особой роли в играх. В п. 16 к. 25 Большекараганского могильника находилось скопление из 50 астрагалов, в котором только 4 принадлежало крупному рогатому скоту, а остальные — более мелким животным. В могильнике Каменный Амбар-5 в м. 5 к. 2

среди 147 астрагалов лишь два были от крупного рогатого скота. В могильнике Кривое Озеро в м. 2 к. 1 из 65 астрагалов четыре принадлежали крупному рогатому скоту, остальные — мелкому.

При игре в альчики суть состояла в том, что они ложатся разными сторонами, каждая из которых имеет свою «стоимость». У башкир боковая вогнутая сторона альчика называлась «алсы», противоположная ей сторона — «туй», третья — «бук», четвертая — «сик». Игру начинал тот, у кого кость ляжет в положение алсы, вторым вступал тот, у кого кость окажется в положении туй, третьим — буй, четвертым — сик [Шагапова, 2010, с. 67–68].

Детские игры в кости были не просто детской забавой, а имели магический, сакральный подтекст. Так, у горных таджиков детские игры в альчики носили сезонный характер, они начинались со дня весеннего равноденствия, который еще в начале нашего столетия являлся у таджиков главным праздником в году. С ним было связано много обычаев, выполнявшихся главным образом для того, чтобы вызвать к жизни животворящие силы природы [Пещерева, 1957, с. 64]. У монголов ряд игр в альчики имел четкую символическую привязку к Новому году — *Цагаан сар*, что означает «Белый месяц». До 1267 г. монголы отмечали Новый год в сентябре. В каждой из игр был заложен определенный философский и магический смысл, поэтому исследователи усматривают в них связь с магией плодородия в скотоводческом хозяйстве [Календарные обычаи и обряды..., 1985, с. 179, 184–185]. Представляется показательным тот факт, что Новый год начинался именно с игр в альчики, а игра повсеместно является прерогативой детей и молодого поколения.

Вероятно, общераспространенной была связь большого количества бараньих альчиков именно с плодородием скота. Так, хакасы считали, что хранимые в юртах овечьи астрагалы приносят счастье. Их зарывали в землю в углу овечьего загона, если количество достигало сотни. Считалось, что в стаде зарывшего альчики человека прибавится столько же голов овец, сколько он зарыл астрагалов. Подобные представления зафиксированы и у тувинцев. Собрав тысячу астрагалов, их зарывали в зимнем загоне для овец и начинали собирать снова. Этот обряд призван был способствовать размножению скота [Молодин, Ефремова, 1998, с. 306–307].

Можно предположить, что у андроновского населения дети мужского пола в возрасте от 6–7 до 13–15 лет составляли особую возрастную группу, связанную с миром сакрального через ритуал гадания или предсказания, имеющего форму игры в альчики. Как свидетельствуют этнографические материалы, у многих народов астрагалы выполняли как игровую, так и магическую функцию. Фольклор башкир свидетельствует, что удачные игроки отмечались как бы печатью небес. Например, у башкир есть пословица: «У него альчики всегда алсы», что означало — ему всегда везет. Гадание мог совершать как жрец, так и первый игрок, получивший расположение небес уже во время жеребьевки [Шагапова, 2010, с. 70–72].

По-видимому, использование именно бараньих альчиков в играх, гаданиях и предсказаниях далеко не случайно. Баран у иранских народов издавна считался носителем «фарна», которым владели божественные персонажи, дарующие его людям. Для людей «фарн» обычно воплощался в богатстве, детях, скоте, здоровье. Иногда он реализовывался не столько в материальном виде, сколько символически — как счастье, благая судьба, доля. В.Н. Топоров считает, что именно такой фарн был свойствен, видимо, ариям в целом [1997, с. 557].

Примечательным является то, что в детских погребениях эпохи бронзы в основном присутствуют альчики барана. Они использовались, вероятно, не только для игры, но и в качестве жребия. Поэтому нельзя исключать предположения, что представления о фарне в облике барана являются достаточно древними и восходят еще к игре в альчики. По-видимому, выигрыш или удачно выпавший жребий рассматривались как особое расположение небес, дарующих «фарн» победителю. Вероятно, в эпоху бронзы альчики помещались в могилу тех детей и подростков, у которых, так сказать, «альчики всегда алсы». В дальнейшем по мере взросления на некоторых из этих детей общество могло уже сознательно возлагать функции гадателя или предсказателя.

В связи с этим предположением представляют интерес погребения подростков, где наряду с альчиками присутствуют и другие предметы, вероятно, ритуального назначения. Такие наборы вещей встречаются в основном в памятниках синташтинско-петровско-потаповского круга. В Потаповском могильнике на дне п. 11 к. 5 находилось три детских костяка с альчиками. Ребенок 9–10 лет выделялся среди них неординарным инвентарем явно ритуального характера. Кроме того, при этом костяке найдены украшения — костяные бусины, подвески из клыков животного, медная височная подвеска.

Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения...

Значительное количество украшений не обязательно является указанием на женский пол погребенного. По-видимому, здесь следует учитывать тот факт, что игра в альчи́ки была связана с культом плодородия, а покровителем плодородия, как правило, выступает двуполое божество. Как отмечает И.Ю. Шауб, представления о фарне могли существовать вне категории пола. В связи с этим небезынтересно свидетельство Диогена Лаэртца (1, 6) о персидских магах, которые отвергали не только изображения богов, но и «различение богов мужского и женского пола». Фарн мог представляться как в мужском, так и в женском облике [Шауб, 2007, с. 127]. В некоторых областях Индии во время праздника богини растительности, которая являлась двуполой, мужчины носят искусственные груди. В Индии, Иране и других районах Азии ритуал «обмена одеждами» играет важную роль в земледельческих празднествах. Как отмечает М. Элиаде, «мужчина, который носил женские одежды, не превращался по этой причине в женщину, как могло бы показаться на первый взгляд; на некоторое время он объединял в себе оба пола, и это состояние помогало ему постичь Космос в его целостности» [1999, с. 346–347], что, по-видимому, представлялось необходимым для верного предсказания будущих событий. Вероятно, в древности такому объединению обоих полов в ритуале отводилась особая роль [Сотникова, 2013, с. 46–47].

В результате рассмотрения детских погребений с наборами альчи́ком следует отметить их различное предназначение в двух выделенных возрастных группах. Для детей младшего возраста наборы альчи́ков в основном выполняли роль оберега. Для детей старшего возраста альчи́ки выступают прежде всего как атрибут игры, возможно отчасти сакрализованной. Наличие в некоторых погребениях детей второй группы, помимо альчи́ков, предметов, которые могли использоваться в ритуальных целях, позволяет предполагать, что эта группа была связана с миром сакрального, как через игру в альчи́ки, так и посредством гадания и предсказания. Таким образом, привлекая в качестве аналогий широкий круг этнографических источников, можно прийти к выводу, что существовала особая, детская сфера сакральности. Она распространялась не только на область детских вещей, но и на игры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981. С. 84–89.
- Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 78–138.
- Аркаим:* Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. 216 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Сам. пед. ун-т, 1994. 208 с.
- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Денисов И.В.* Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 38–48.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
- Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. М.: Изд-во ЛГУ, 1974. 160 с.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии.* М.: Наука, 1985. 264 с.
- Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // СМАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 6. С. 19–36.
- Косинцев П.А.* Животные в жертвенных комплексах могильника Кривое озеро. Приложение 6 // Н.Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 333–344.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Изд-во СамГПИ, 1995. С. 156–207.
- Крамарев А.И., Кузьмина О.В.* Кости животных в погребальном обряде срубной культуры // XIV Урал. археол. совещ.: Тез. докл. Челябинск: Рифей, 1999. С. 83–87.
- Кулемзин В.М.* Отдельные штрихи к портрету хантыйской культуры // Угры: Материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. С. 380–385.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Нестандартный раннесрубный курганный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в самарской области. Самара: СамВен, 1999. С. 59–92.

- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимирский I // *Вопр. археологии Поволжья*. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 217–260.
- Куприянова Е.В. Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) // *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация*. Самара: НТЦ, 2001. С. 321–327.
- Литвиненко Р.А. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона // *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Волгоград: Перемена, 1996. С. 62–66.
- Любчанский И.Э., Иванова Н.О. Ильясский могильник — новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника «Аркаиим»*. Челябинск: ЧелГУ, 1996. С. 89–105.
- Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // *Вестн. о-ва открытых исследований древности*. Челябинск: Аркаиим, 2002. С. 39–48.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 300–309.
- Морзунова Н.Л. Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург: Димур, 1999. Вып. 3. С. 40–64.
- Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье* // *Археология России*. Саратов: Изд-во СарГУ, 1993. 201 с. (САИ. В1-10; Т. 1).
- Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // *СМАЭ*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 22–94.
- Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро. Приложение 7 // Н.Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Сорокин В.С. Могильник бронзового века Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // *МИА*. № 120. М.; Л., 1962. 207 с.
- Сотникова С.В. О семантике парных погребений андроновской эпохи // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. Вып. VI. С. 36–49.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья: (Хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.
- Топоров В.Н. Фарн // *Мифы народов мира*. М.: Рос. энцикл., 1997. Т. 2. С. 557–558.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Шагапова Г.Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 152 с.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. 484 с.
- Элиаде М. Трактат по истории религий. М.: Алетейя, 1999. Т. 2. 416 с.
- Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья. Приложение 3 // И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Сам. пед. ун-т, 1994. С. 186–205.

*Тобольская государственная социально-педагогическая академия
svetlanasotnik@mail.ru*

The article considers children's burials with sets of knucklebones, represented in sites of the Bronze Ages from Eurasian steppes (the Sintashta, Petrovka, Potapovka, Alakul, and sрубnaya ones). Subject to identification being two age groups with sets of knucklebones being of different purpose. Attracting a broad circle of ethnographic sources as analogies, the author comes to a conclusion on the early existence of specific children's sacral sphere which spread not only into the field of children's things, but also into their games.

Sites of the Sintashta, Petrovka and Potapovka types, Alakul culture, sрубnaya culture, sets of knucklebones, children's games, a sacral sphere of life.